

Эта поэзия забирает, втягивает. От нее не отвертишься.

Да и зачем? Она призвана не сладкоголосо развлекать и цветно-карнавально отвлекать от мира и горя.

Однако порой она крепка, как вино. И через эту старинную метафору можно увидеть всех на свете классиков, стоящих за спиной Натальи Розенберг, и всех на свете будущих – неизвестных, неведомых, что придут потом, позже.

Значит ли это, что Розенберг – неразгаданный Нострадамий русской поэзии?

Разжимаются пальцы не сразу,
постепенно, по одному.
Отпуская тебя во тьму,
отвратительную для глаза,
уха, горлышка,
жилок, вен,
неприемлемую совсем,
невозлюбленную никем,
возникающую безотказно...

Пророки работают со временем. Поэты – тоже.

В XVI веке был живописец – Мастер женских полуфигур, а Наталья Розенберг в веке XX – мастер изображения времени.

Удивляет сплетение времен в ее стихах. Да по сути вся ее поэтика пропитана, как греческая губка морской влагой, чувством времени. Для этого совсем не обязательно писать исторические стихи или восклицать в текстах: «О время, время!» О времени – всегда – между строк. Потому что его нет, ведь это мы знаем хорошо; и потому что оно – это мы сами.

Мне ничего не надо.
Бессмысленна награда.
Имен не разберут
бродяги-суховеи,
путей не разумея,
бел-кости перетрут.

Можно склониться в поклоне перед этим отречением и отрицанием. Sic transit gloria mundi, а если эта слава-глория не приходит совсем со своею ахматовской погремушкой? Значит, остается воля; та свобода,

что дороже всех на свете дворцов славы и почестей, золотых клеток цивилизации. Культура – не цивилизация. Она – Дух.

А он, как известно, реет, где хочет.

Птицы запели в пять.
День возвращался снова.
Слово прижалось к слову,
чтоб над душой стоять.

Наталья Розенберг крайне смелый поэт. Смелый – это не значит кимвально бряцающий, громогласно-площадной, чтобы издали было слышно, или нарочито-дерзкий в стилистике и синтаксисе. Смелость – это тоже материя культуры; и она тоже вездесуща, она проникает все, и стихи Натальи лучшее тому подтверждение:

Разбросав поутру впопыхах
белый хлеб из глубокого блюда,
ожидая привычного чуда,
несомненного здесь и повсюду,
на окне, за окном, в небесах,
опустевшую клетку забуду...

Да, именно так – и здесь и там, и внутри и вовне, и в земном мире, плотно и тепло тебя окружающем, и – в широких, глаза не хватит оглядеть, а души – обнять, небесах, – в том небе, жителями которого были все мы и где все мы еще будем.

...И на смерть запрета нету,
разрешают, помирай...

Но у времени иногда есть конкретные, любимые черты. И художник садится к мольберту и пишет, пишет его портрет. Соблюдая два принципа: подлинности и трансцендентности.

Ностальгия по прожитым, пережитым временам существует, она реальность; воспоминания не обязательно приходят к нам с возрастом – ребенок может сидеть под елкой и горько плакать, вспоминая старый, год назад бывший и всеми золотыми звездами отсиявший новогодний праздник. И Наталья Розенберг пишет, быть может, одно из самых пронзительных стихотворений своих – и это есть и портрет ушедших времен, и автопортрет, и портрет любого из нас, переплывающего реку времени:

Зачем я покинула
милые улицы детства,
спокойные глубины реки,
охраняющей город,
дворов огрубелых одежду
не в лад и не впору,
медвежию шкуру с когтями,
два стульчика венских, –
за право борьбы
на глубоком, стремительном месте,
где верных товарищей
замерли вещие песни

под звон погребальный
скрестившихся намертво сабель...

Сколько милых, родных мы проводили в путь без возврата – и сколько еще проводим, – и об этом тоже этот удивительный стих.

А изобразительные средства автора просты, почти графичны. Розенберг – график, почти средневековый, почти старинный; часто ее стихи напоминают гравюры Гюстава Доре – иллюстрации к Библии, и верно, в стихах ее нет-нет да проскользнет нечто библейское, ветхозаветное, изначальное:

...Черепашьи глазенки Лии
из скорлупки глядят отжившей,
не вмещающей свет и пищу,
распадающейся под нажимом
беспощадных лучей небесных...

Небо. Слишком много неба в ее стихах – даже там, где, казалось бы, откровенная камерность зовет настроиться на благостный «земной» лад. Более чем кто-либо Розенберг знает, что «уютно – нет. Покоя – нет», и ветер и небо – такие же полноправные жители в ее стихах, как люди, птицы и звери. Тварность мира воспета ею, но и Дух Святой, Утешитель, тут тоже кладет незримую печать; и мы уже не видим ни рифм, ни аллитераций, ни метафоры, ни метроритма, – а они у Натальи часто бывают предельно свободны и непредсказуемы, как живое дыхание, – а ясно слышим ту основную ноту, тот Grundton, что возвращает нас изначальную радость бытия – даже с привкусом неизбежного ухода.

...возвратился домой
стосковавшийся стих,
может – всхлип...

Стихам Натальи Розенберг, верю, настанет свой черед. А если честно, он уже настал. Ибо всякое действие уже отмечено у Бога; всякое художество уже существует, а мы, художники, только вынимаем его из небесного гнезда – осторожно, бережно, смело и любовно, – чтобы отдать людям и опять пустить в широкие небеса правды, забвения, памяти.